

США И КОРЕЯ: ПРЕДЫСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ АГРЕССИИ

В. Б. Воронцов

На страницах зарубежной периодики и специальной литературы постепенно появляется все больше материалов, касающихся разных сторон предыстории войны 1950 — 1953 гг. в Корее. Ответственность за ее начало буржуазные авторы пытаются возложить, как правило, на КНДР или даже на СССР. Однако чем дальше, тем больше выявляется истинная подоплека тогдашних событий, состоявшая в усилиях, которые приложила американская и южнокорейская реакция для того, чтобы спровоцировать войну против КНДР. Корни этой безрассудной политики уходят в предшествовавшие войне годы, а одним из ее апологетов является Роберт Оливер.

В беседе с автором данных строк во время проходившего в Москве конгресса востоковедов американский историк-международник проф. Уайт упомянул с оттенком некоторого пренебрежения о Роберте Оливере, который пытался обрести славу в области науки, стать признанным специалистом по Корее, но снискал себе скандальную известность на ниве пропаганды антисоветизма и антикоммунизма. Может быть, и некоторые другие респектабельные представители американского ученого мира не принимают всерьез этого господина? Не значит ли это, что и нам целесообразно просто не обращать внимания на его «творчество»? Возможно, что и так, если бы, во-первых, не те легенды, создателем коих явился пропагандист южнокорейской реакции Р. Оливер. Эти легенды перекочевывают со страниц многочисленных книг и статей Р. Оливера в другие издания; им нашлось место в пухлых томах вестника конгресса США, в официальных документах Белого дома. Во-вторых, заслуживает внимания самая личность Оливера. Его положение близкого и давнего друга бывшего южнокорейского президента Ли Сын Мана, доверенного советника проамерикански настроенных кругов корейской эмиграции, а затем советника в лисынмановском правительстве позволяло создать ему видимость хорошо осведомленного в корейских делах автора.

Деятельность Оливера имела и меркантильную основу. «В Америке я совместно с Гудфеллоу (офицер американской разведки.— В. В.), Оливером и другими моими друзьями, — заявил на одной из пресс-конференций Ли Сын Ман, — организовал корейско-американскую компанию. Эта компания заинтересована в одном из двух самых больших рудников на Востоке, а именно в Вонсанских присках, а также в закупке в Корее шелкового сырья. Данная компания претендует на монопольное право по вложению капиталов в Корею. В будущем, когда возникнет корейское правительство, этой компании, при согласии США, предоставят право на торговлю между Кореей и Америкой»¹. Когда в 1947 г. Р. Оливер возглавил вашингтонское бюро «Корейской тихоокеанской прессы» и стал редактором ежемесячного журнала «Корейское обозрение», перед ним открылись новые возможности. Именно тогда стали появляться различного рода легенды и ложные утверждения. «Почему война пришла в Корею?»² — так назвал Роберт Оливер свою очередную книгу, посвященную событиям 1950 г. и призванную, каких бы тяжких усилий это ни требовало, оправдать дальневосточную политику США.

Так почему же пришла война в Корею? Всеми виной, ответил на этот вопрос американский друг Ли Сын Мана, «агрессивная политика» Советского Союза, которая, согласно его утверждениям, еще в годы второй мировой войны представляла якобы угрозу для Кореи. Для «доказательства» Р. Оливер приводил в своей книге различно-

¹ «Цзаю синмун», 28.V.1946. Цит по: «Клика Ли Сын Мана — заклятый враг корейского народа». Пхеньян. 1952, стр. 8.

² R. T. Oliver. Why War Came in Korea? N. Y. 1950.

го рода измышления, кочевавшие по страницам американской прессы тех лет и приписывавшие Советскому Союзу «экспансионистские устремления»³. Так постепенно, общими усилиями политических интриганов из стана проамерикански настроенных кругов южнокорейской правящей элиты и их друзей в США, в угоду прямой антикоммунистической пропаганде получила хождение в буржуазной литературе версия, использованная далее для извращения истинных причин войны 1950 — 1953 гг. в Корее и попыток замаскировать роль американской агрессии.

В канун и в период второй мировой войны, когда корейские трудящиеся, руководимые коммунистами, стали создавать отряды для партизанской борьбы с японскими захватчиками, действовало патриотическое, антиимпериалистическое общество Чогук Кванбокхе. Оно определило в качестве своей первостепенной задачи создание Корейского независимого демократического государства. Не одну карательную операцию провела японская военщина против корейских революционеров, но ее усилия пропали даром. В боях с японцами мужали кадры отважных борцов, проходили трудную боевую школу тысячи корейских патриотов.

Ли Сын Ман в то сложное для корейского народа время тоже проходил специальную школу, обивая пороги госдепартамента США, осваивая тонкости политического жульничества и овладевая лоббистскими навыками. Окончательно поселившись в США еще в 1912 г., он начинает сколачивать костяк будущей группировки преданных ему людей из среды корейской буржуазной эмиграции в США и в гоминьдановском Китае. В 1919 г. в Шанхае создается «Временное правительство Кореи», с которым связывает свою судьбу большая часть представителей корейской буржуазной эмиграции. Примкнул к нему в корыстных целях как «представитель» корейцев, живущих в США, и Ли Сын Ман. Шанхайское (а после переезда — Чунцинское) «правительство Кореи», имея разношерстный в социальном и политическом отношении состав, ограничивало свои функции в основном сферой дипломатии и верхушечно-политических контактов. Молчаливое одобрение Соединенными Штатами японской аннексии Кореи обрекало бежавших из Кореи буржуазных эмигрантов на жалкое существование и фактически сводило на нет их пропагандистскую деятельность.

Нападение японцев на флот США в Пёрл-Харборе 7 декабря 1941 г. развязало руки корейской буржуазной эмиграции в США. Спустя четыре дня Ли Сын Ман обратился к корейцам с прокламацией, в которой, между прочим, писал: «Ваше правительство, Временное правительство Кореи, из своего штаба в Чунцине официально объявило войну Японии 11 декабря». Это признание само по себе явилось доказательством проамериканской ориентации «Временного правительства», следовавшего до Пёрл-Харбора тоже линии США в отношении Японии. Теперь, однако, корейской эмиграции, находившейся в США, пришлось сначала вести затяжную, с использованием в основном эпистолярной формы оружия, борьбу с госдепартаментскими чиновниками. Последние оставались равнодушными к просьбам корейской эмиграции. Холод, с каким они встречались, не был случайным и объяснялся отнюдь не субъективными факторами. Идеи корейской эмиграции оказались, по мнению американских политиков, в противоречии с «большой дипломатией» США. Чанкайшистскому правительству, которое проявляло явно повышенный интерес к Корее и контролировало в тот момент действия Ли Сын Мана, в ответ на просьбы признать «Временное правительство Кореи» было заявлено категорическое «нет». Помощник государственного секретаря Берле разъяснил китайскому послу в начале 1942 г., что признание невозможно, ибо такого рода шаг мог бы привести к усилению требований идентичных группировок, выступавших от имени других стран⁴. Но более всего выводило Ли Сын Мана из равновесия другое: он не мог без раздражения слышать от некоторых чиновников ссылки на необходимость согласовывать такие акты с военным союзником — СССР⁵ и обвинял деятелей госдепартамента в «коммунизме» и «оппортунизме». Д-р Ли, однако, не оставил своих попыток. Он пишет письмо провокационного содержания Ф. Д. Рузвельту: «Начиная с Пёрл-

³ Ibid., p. IX.

⁴ См. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943». Vol. III. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Washington. 1963, p. 1092.

⁵ R. T. Oliver. Syngman Rhee — the Man behind the Myth. N. Y. 1955, p. 178.

Харбора, в течение полутора лет, мы просили государственный департамент признать Временное правительство Кореи — старейшее правительство в эмиграции... Сейчас у нас есть информация, подтверждающая цели России, стремящейся установить свой контроль в Корее»⁶.

Весь мир жил в то время надеждами на спасение от фашистской опасности, и эти надежды связывались прежде всего с победами Красной Армии. После сражения у стен Сталинграда авторитет Советского Союза на мировой арене резко возрос. Именно это и приводило в ярость реакцию. Противники реализма во внешней политике готовы были использовать любые фальшивки, лишь бы опорочить благородные идеи антифашистской коалиции. Желтая пресса Херста, Паттерсона, Маккормика немало трубила о «притязаниях» Советского Союза на страны, которые предполагалось освободить от ига германо-итальянского фашизма, японского милитаризма и их союзников. Нашлись и в США силы, готовые использовать Ли Сын Мана с его идеями. Они создавали лидеру корейской реакционной эмиграции рекламу, предоставляли ему и его сообщникам трибуну. Ли Сын Ман поднимался на волне антисоветских устремлений американской реакции и, в свою очередь, оправдывал надежды последней. Он решил открыто апеллировать к американскому общественному мнению. «В настоящее время, — говорил д-р Ли, выступая в июле 1943 г. в Вашингтоне, — мы располагаем сведениями, указывающими на то, что СССР намерен установить в Корее Советскую республику»⁷. Подобного рода клевета именовалась лисынмановцами не иначе, как «неопровержимые факты», основанные на информации из «достоверных источников». Однако попытки воздействовать на президента Ф. Рузвельта с целью добиться признания «Временного правительства Кореи» путем настойчивых напоминаний о «русской опасности» не имели в то время успеха. Сама жизнь принуждала американских политиков оставлять без особого внимания домогательства лисынмановцев, ибо, во-первых, в Вашингтоне должны были считаться с деятельностью государств, входивших в антифашистскую коалицию, и не принимать односторонних решений, а во-вторых, там боялись, что признание «Временного правительства Кореи» явилось бы признанием, пусть даже в декларативной форме, права колониальной Кореи на независимость. А это, в свою очередь, не соответствовало общеклассовым интересам западных правящих кругов, связанных с судьбами колониальных империй.

Принятое США, Англией и Британией решение по Корее от 1943 г. (опубликовано 1 декабря) предполагало признание независимости Кореи после войны «в должное время». В печати высказывались различные догадки и предположения относительно последней оговорки. Ли Сын Ман усмотрел для себя главную опасность в такого рода формулировке не в том, что в документе отсутствовало конкретное упоминание срока, в течение которого Корея обретет статус самостоятельного государства, а в возможном усилении влияния Советского Союза на послевоенное решение корейской проблемы. Поэтому резко возросла антисоветская направленность его пропаганды. Эта сторона деятельности Ли Сын Мана возымела новый успех среди экстремистских, настроенных в антисоветском духе кругов США. Она импонировала и американской разведке. Сотрудники Управления стратегической службы (УСС) возлагали надежды на Ли и его окружение, и, как показало будущее, они не ошиблись в своих расчетах. Ли Сын Ман со своими коллегами подготовил для американской разведки точные материалы о корейской эмиграции, ее лидерах и их планах послевоенного правления в Корее. Чем ближе был конец второй мировой войны, тем ценнее казались УСС усилия Ли Сын Мана. Результатом сотрудничества Ли с разведкой явилось издание в 1943 г. книги «Корея и война на Тихом океане». Первоначально корейские эмигранты представили этот материал в качестве доклада для УСС. Там отмечалось, в частности, что «в советской дальневосточной армии имеются две корейские дивизии...». Этот очередной выпад, предпринятый в расчете сыграть на антисоветских настроениях, возмутил некоторых американских специалистов-корееведов: «Численность корейского населения в Советском Союзе — около 200 тыс. человек; держать 50 тыс. корейцев под ружьем — явно не реальное дело; никакой правды нет и в том, будто в Советской Армии имеются

⁶ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943». Vol. III, pp. 1093—1094.

⁷ «Правда», 13.III.1946.

две корейские дивизии»⁸. Зато реакционные круги не замедлили отметить усилия Ли и компании.

Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки не стала, вопреки надеждам американской реакции, решающим моментом, определившим безоговорочную капитуляцию Японии. Японское правительство возлагало свои надежды на создание мощного оборонительного кулака на территории Китая и Кореи. С января 1945 г. осуществлялись планы подготовки позиций для «обороны азиатского материка», причем основное внимание обращалось на Северо-Восточный Китай и Корею, где сосредоточивались наиболее крупные группировки японских войск⁹. «Северный Китай, Маньчжоу-Го, Корея с их тяжелой индустрией, — подтверждали представители японского командования, — имеют огромное значение для продолжения войны и являются основным стержнем, где императорская армия выиграет победу»¹⁰. Вступление Советского Союза в военные действия на Дальнем Востоке и разгром Квантунской армии решили исход второй мировой войны и на этом ее театре. Огромная заслуга Советских Вооруженных Сил в том, в частности, и состоит, что они оказали прямую практическую помощь китайскому и корейскому народам в борьбе за независимость и свободу.

Корейские трудящиеся, вдохновленные избавлением от японского ига, объединялись в широком, массовом движении за создание суверенного демократического государства. Под руководством вышедших из подполья коммунистов создавались народные комитеты — выразители воли трудящегося народа Кореи; возникали различные политические партии, общественные организации, профсоюзы. Командующий американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке Макартур, действовавший в согласии с новым японским правительственным кабинетом, немало сделал для того, чтобы сохранить в Южной Корее японскую колониальную администрацию до появления на корейской территории американских оккупационных войск. Глава американской военной администрации заявил о своем намерении управлять страной с помощью японских чиновников, в том числе генерал-губернатора Абэ Нобуюки. Возвращения Макартура от 7 сентября 1945 г. (№ 1 и № 2), сброшенные с самолетов на территории Южной Кореи, объявляли о необходимости сохранения до определенного времени японского колониального аппарата и предусматривали право применять любое наказание за какое-либо выступление против американских вооруженных сил. «Военное губернаторство предполагает не осуществлять серьезных изменений в системе гражданского правления, установленного японцами», — говорилось в докладе о Корее, представленном из штаба Макартура в октябре 1945 года¹¹.

16 октября 1945 г. в аэропорту Кимпхо, что в 15 милях от Сеула, приземлился американский транспортный самолет. По трапу, стараясь произвести впечатление на окружающих и пытаясь придать всему своему виду личину степенности и бодрости, сходил находившийся уже в годах человек. Ли Сын Ман, проживший в США 35 лет, снова ступил на корейскую землю. Командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Макартур проявил личную заинтересованность в возвращении д-ра Ли, одобрил его планы и предоставил в его распоряжение самолет. Теперь Ли, обратившись к присутствовавшим, как отмечали очевидцы, на «гавайском диалекте корейского жаргона», предупредил встречавших, будто он вернулся в Корею как «частное лицо». Командующий вооруженными силами США в Южной Корее генерал Ходж спешно организовал перед зданием сеульского Капитолия митинг в честь прибывшего «скитальца». Не успели отгреметь хвалебные речи, как «частное лицо» приступило к лихорадочной деятельности, в которой неразрывно сочетались его личные интересы с пожеланиями ведущих политических группировок США и корейской реакции.

Появление Ли в Южной Корее сопровождалось заявлением госдепартамента. Представители прессы узнали, что военная администрация в Южной Корее начала привлекать корейцев «в соответствии с их способностями» в качестве советников по вопросам внутреннего положения страны¹². Это казавшееся тогда не особенно

⁸ «Pacific Affairs», vol. XVII. 1944, № 2, p. 236.

⁹ «Army Operation in China, January 1944 — August 1945», Headquarters USAFFE and Eighth U. S. Army. № 72, 12.X.1945, p. 180.

¹⁰ Архив внешней политики (АВП) СССР, ф. 100, п. 179, л. 248.

¹¹ G. H e n d e r s o n. Korea. The Politics of the Vortex. Cambridge. 1968, p. 160.

¹² «Department of State Bulletin», 1945, October, p. 643.

примечательным событием положило начало демагогическим рассуждениям американской пропаганды об «особой освободительной миссии» США, чьи войска явились в Корею исключительно для того, чтобы помочь «не подготовленному» к независимости народу усвоить и осуществить на практике лучший образец демократии — американский. К прибытию д-ра Ли в Сеул корейцы могли убедиться, насколько далеки эти рассуждения о демократии от истинного положения дел. Оккупационные силы уже проделали солидную работу по подавлению в стране демократического движения. Были разогнаны народные комитеты (они создавались после освобождения по всей Корее). Американская администрация, используя аппарат японской полиции, пыталась создать атмосферу нетерпимости вокруг прогрессивно настроенных деятелей. На честных демократов обрушилась волна репрессий. Вышедший как раз в день прибытия Ли в Корею очередной номер «New York Post» сообщил о переполненных тюрьмах Южной Кореи. В результате «необъявленной войны правых кругов и полиции против левых элементов», говорилось в газете, в 18 тюрьмах и 5 лагерях оказалось до 20 тыс. заключенных. В сентябре генерал Ходж закрыл три газеты левого толка и арестовал многих руководителей компартии¹³. Одни репрессии, конечно, не могли гарантировать реакционно-политическую стабильность. Необходима была, как считали в Вашингтоне, мобилизация сил, имевших в Корее социальную опору и дружественных к США. В этих целях американская администрация предоставила своему протезе все возможности для проявления способностей.

Спустя неделю после прибытия в Сеул на собрании, где присутствовало до 2 тыс. представителей различных политических группировок, Ли Сын Ман взял председательский молоток в свои руки. Через два дня начал действовать Центральный комитет Общества скорейшего достижения независимости, объединивший осколки различных политических фракций буржуазии, чиновников и помещиков, бежавших с Севера и затаивших ненависть к борцам за новую Корею. Во главе этой организации тоже встал Ли Сын Ман. Начало своей деятельности в качестве главы Общества Ли отметил фразой: «Я возьму на себя руководство Обществом и поставлю его только на демократический базис». Расшифровывая далее значение термина «демократия», он заявил: «Назначу всех других официальных лиц»¹⁴. На первых порах комитет сумел, хотя и временно, объединить правые политические партии. От его имени последовал призыв к «Временному правительству Кореи» немедленно прибыть из Китая на родину¹⁵. Ли, опираясь на военную администрацию, тщательно просеивал прибывавших в Корею репатриантов. К этому делу приложила свою руку и ФБР. Американская охранка притирчиво относилась к выбору лиц из среды корейской эмиграции, направлявшихся домой. Особенно тщательной обработке подвергались корейцы, хотя бы однажды выступившие против Ли Сына Мана.

В то же время тяжелые американские транспортные самолеты доставляли в Корею единомышленников Ли. 4 ноября 1945 г. из США прибыла группа корейцев, именовавших себя представителями «Временного правительства Кореи» в США. На следующий день более 30 лидеров того же «правительства», выслушав назидательную речь Чан Кай-ши, тоже направились в Сеул. Все они, отмечалось в официальной печати США, являлись «носителями демократических идеалов». Впрочем, США сразу же стали опираться на состоятельных корейцев, в основном на тех, кто говорил по-английски или по-японски, как признавали это сами американцы¹⁶. 23 ноября прибыл в Сеул глава «Временного правительства Кореи» Ким Ку. Многие годы он провел в Китае, прославил себя организацией и осуществлением ряда покушений на крупных японских сановников, снискал известность террориста и борца с японскими колонизаторами. После возвращения Ким Ку решил попытаться объединить на националистической основе силы корейцев, выступавших против японского ига...

Московское совещание представителей СССР, Англии и США (декабрь 1945 г.) приняло согласованные решения о будущем Корейского государства, которые предусматривали, в частности, опеку ведущих держав, осуществляемую через Временное

¹³ Soon Sung Cho. Korea in World Politics, 1940—1950. Berkeley. 1967, p. 133.

¹⁴ «Harper's Magazine», 1954, February, p. 31.

¹⁵ Soon Sung Cho. Op. cit., p. 77.

¹⁶ H. M. Vinacke. A History of the Far East in Modern Times N. Y., 1959, p. 706.

правительство Кореи. Итак, прежде всего — создание общекорейского Временного демократического правительства; затем с участием этого правительства — разработка совместной Советско-американской комиссией мер по осуществлению опеки ради создания единого и независимого Корейского государства. Таковы были союзнические решения. Такова была дань США общедемократическим, миролюбивым настроениям во всем мире. Корейская проблема, как и многие другие проблемы большого международного значения, казалось, должна была быть разрешена в духе освободительных идей времени, овладевших народами мира после великих побед Советской Армии над силами фашизма.

Но московские решения стали водоразделом, размежевавшим политические силы в Корее. «Демократическая палата», объединившая усилиями Ли и его сторонников реакционные силы, возглавила борьбу с московскими решениями. Противники декабрьской встречи в Москве преследовали различные цели. Одни, группировавшиеся вокруг Ким Ку, пытались устранить все препятствия к признанию бывшего чунцинского «правительства Кореи»¹⁷. Другие, опасавшиеся за судьбу своих состояний, еще в годы японского господства делали ставку на Ли Сын Мана. Лисынмановская реакция вновь вытаскала на свет старые фальшивки с целью дискредитировать политику Советского Союза и московские решения по Корее.

В то время некоторые акции американской администрации в Корее еще предпринимались под влиянием напора прогрессивных сил. В Вашингтоне отдавали себе отчет в том, что без Советского Союза невозможно решать проблему Кореи, а потому стремились ограничить участие советской стороны рамками дискуссий в Советско-американской комиссии, а тем временем за кулисами провоцировали к действиям лисынмановцев. Реакция двинулась в наступление. Консерваторы различных мастей, завладевшие южнокорейской прессой, прежде всего попытались внушить общественному мнению Кореи мысль о том, будто опека установлена по требованию Советского Союза, а Москва, дескать, ждет не дождется часа, когда ей удастся «захватить Корейский полуостров». Далее антисоветские пропагандисты сознательно бередили не зажившие еще раны, ставя знак равенства между опекой и японским мандатом. Мимо такой фальши советская сторона, естественно, пройти не могла. Заявление главы Советской делегации в Советско-американской комиссии генерал-полковника Т. Ф. Штыкова в сентябре 1947 г. явилось для Ходжа неожиданным сюрпризом и повергло его в состояние растерянности. Из этого заявления корейцы узнали всю правду, а она состояла в том, что приоритет в предложении об опеке принадлежал не СССР, а США и что последнее в своем проекте даже не предусматривало создания корейского правительства. Только благодаря настойчивости советской стороны был сокращен срок предложенного США подготовительного периода (опеки) и принято решение о создании Временного Корейского демократического правительства, с участием которого предполагалось достичь установления государственной независимости страны¹⁸. Ходж, отдавая себе отчет в том, какие последствия будет иметь для престижа США разоблачение фальшивок, сфабрикованных «друзьями» США в лице представителей «Демократической палаты», впал в ажиотацию и атаковал госдепартамент: он обратился за поддержкой к дипломатам и умолял как-нибудь нейтрализовать эффект советского заявления.

Госдепартамент в ответ на тревожные призывы Ходжа сообщил, что опека рассматривалась в США как средство для ограждения Кореи от влияния Советского Союза¹⁹. Это сообщение, впрочем, не отражало даже приближенно подлинного положения дел. Имелись рекомендации госдепартаменту президенту США еще от периода второй мировой войны, где настаивалось на осуществлении в послевоенной Корее именно опеки, причем «представительство иных государств, — отмечалось там, — не должно быть столь значительным, чтобы оно могло нанести вред американскому участию в оккупации»²⁰. Ходж, оставшись без аргументов и не зная, что ему следует предпринять, на-

¹⁷ В марте 1947 г. эта группа лиц предприняла попытку объявить себя правительством де-юре. Военная администрация Ходжа дезавуировала эту акцию (Soon Sung Cho. Op. cit., p. 135).

¹⁸ «Советский Союз и корейский вопрос (документы)». М. 1948, стр. 58—59.

¹⁹ Soon Sung Cho. Op. cit., pp. 108—109.

²⁰ «Foreign Relations of the United States. The Conferences of Malta and Yalta. 1945». Washington. 1955, pp. 359—360.

правил Макартуру послание с жалобой на слабое руководство со стороны Вашингтона. Ведь заявление Штыкова, писал он, открывало глаза всем, питавшим иллюзии относительно линии американцев, и корейцы приходили к выводу, что США — предатели. Ходж предлагал себя, если это принесет пользу престижу США, на роль «козла отпущения», полагая, что его отставка спасет положение. А в случае продолжения своей деятельности в Корее он настаивал на предоставлении другой информации об американской политике.

Тем временем, пока Ходж проклинал дипломатов, американские монополии прибирали к рукам экономику Южной Кореи. Перед освобождением 91% всех капиталовложений в корейской экономике принадлежал японским колонизаторам (в промышленности — 94%, в банковском деле — 99%). После оккупации Юга Кореи США контролировали 24 отрасли промышленности (80% всей южнокорейской экономики)²¹. Особенно торопился Ли Сын Ман. Он подписывал одно за другим соглашения, благодаря которым золотые рудники и угольные шахты переходили в руки заокеанских дельцов. Американский капитал доминировал или полностью овладевал собственностью в компаниях «Грэйт электрик К^о», «Грэйт Кореа Ойл танкер К^о», «Фар Истерн Импорт энд Экспорт К^о» и во многих других. Монополии США получили безраздельное право определять цену угля и нефти, экспортировать и распределять эти виды сырья. Так американская идея о системе опеки обретала ту материальную базу, ради которой она возникла.

26 сентября 1947 г. Советская делегация на заседании совместной Советско-американской комиссии по Корее предложила вывести в начале 1948 г. советские и американские войска с территории всей страны и предоставить корейскому народу возможность самому решать свои дела²². Это предложение СССР явилось полной неожиданностью для США и правых группировок в Южной Корее. Ли Сын Ман и стоявшие за ним политические силы долгое время афишировали собственное желание своими средствами «объединить» Корею, помимо осуществления решений Московского совещания и без всякой поддержки иностранных войск. А теперь, когда Советский Союз выдвинул недвусмысленное предложение, они впали в замешательство, которое еще более усилилось в связи с мероприятиями народной власти на севере страны.

Идея Временного народного комитета Северной Кореи о создании национального правительства на основе широкого участия демократических партий и общественных организаций, поддерживающих Московские решения трех министров иностранных дел, нашла горячий отклик во всей стране. На конференции представителей партий, входивших в Единый национальный демократический фронт, в июне 1947 г. обсуждалась программа, отражающая насущные нужды корейского народа: конфискация земли, принадлежавшей помещикам и японским колонизаторам, и передача ее в руки крестьян; национализация промышленных предприятий, транспорта, средств связи и банков, принадлежавших ранее японцам и лицам, сотрудничавшим с врагом. Предполагалось проведение мероприятий и по защите не крупной частнопредпринимательской деятельности²³. Естественно, осуществление такой программы преграждало бы буржуазии и помещикам путь к власти и положило бы конец лисынмановской демагогии. СССР заявил о своей полной поддержке плана Временного комитета, а опрос, предпринятый корейской Ассоциацией общественного мнения, показал, что 57% опрошенных в Южной Корее лиц поддержали, несмотря на преследования со стороны лисынмановской агентуры, эти идеи²⁴.

Правящая верхушка в Сеуле начала осознавать свою беспомощность перед лицом миролюбивых акций СССР и демократических преобразований на севере страны. Поэтому она решила противодействовать уходу американских войск и попытаться скомпрометировать советские предложения. «Отец корейской нации» находил при этом не только взаимопонимание, но и активную поддержку в США. На страницах «New York Herald Tribune» смаковалась очередная пропагандистская фальшивка, перекочевавшая затем и в другие издания, относительно неких фантастических замыслов коммуни-

²¹ W. G. Burchett. *Again Korea*. N. Y. 1968, p. 110.

²² «Советский Союз и корейский вопрос (документы)», стр. 61—62.

²³ «Правда», 20. VI. 1947.

²⁴ Soon Sung Cho. *Op. cit.*, p. 174.

стов²⁵. Сорвав работу совместной Советско-американской комиссии, США отбросили свои обязательства по Московскому совещанию от декабря 1945 г. и проталили в ООН резолюцию о создании Временной комиссии ООН по Кореи. Эта комиссия должна была, как предполагали в Вашингтоне, создать ширму, за которой осуществлялись бы все политические махинации по организации в Кореи правительства проамериканской ориентации. Демократические партии и организации выступили за бойкот сепаратных выборов в Южной Кореи, справедливо усмотрев в этом угрозу расчленения страны. Демократический народный фронт Южной Кореи, невзирая на террор и жесточайшие преследования, развернул борьбу за удаление Комиссии ООН и иностранных войск. 14 апреля 1948 г. последовал призыв северокорейских политических партий и организаций созвать совместное с южнокорейскими партиями совещание, дабы предотвратить расчленение страны. На объединенном совещании в Ихеньяне, состоявшемся с 19 по 30 апреля 1948 г., из 695 его участников 395 были из Южной Кореи²⁶.

Движение за создание единого демократического государства вызвало на Юге новую волну террора. Американская военная полиция вместе с бандами лисынмановцев обрушилась на участников народного движения²⁷. Арестам и преследованиям подверглись участники всеобщей забастовки протеста, в которой участвовало более миллиона человек. Затем каратели потопили в крови вооруженное восстание трудящихся на острове Чечжудо. Лисынмановцы, опираясь на американские оккупационные власти, «готовились» к сепаратным выборам в Южной Кореи. Военная администрация США резко отклонила требование общественности не допускать к избирательным урнам коллаборационистам. Долгое время антияпонская пропаганда служила д-ру Ли проверенным средством для повышения своего политического веса. Прожженный политикан и теперь не расставался со своим излюбленным оружием, когда ему нужно было сыграть на антияпонских настроениях в корейском народе, испившем до дна горькую чашу колониального гнета японского империализма. Если дело касалось тягостных воспоминаний о японском протекторате, южнокорейский президент становился особенно словоохотливым.

Руководящими постами в южнокорейской полиции завладели лица, активно помогавшие в свое время японцам. Оплотом американской креатуры тоже стали яркие коллаборационисты. В роли лидера Демократической партии Хангук, получившей основное количество мест в Национальном собрании и являвшейся опорой Ли, выступала такая одиозная фигура, как Ким Сон Су. Братья Ким Сон Су и Ким Ён Су были «текстильными королями» Кореи. Свои капиталы они вложили не только в текстильную промышленность, но и в издательское дело, были директорами керосиновой компании «Хвасин» и т. д. Ким Сон Су, закончив в период второй мировой войны политико-экономический факультет Токийского университета Васэда, целиком посвятил себя сотрудничеству с колонизаторами. Заслуги его были оценены, он стал членом Центрального совета при японском генерал-губернаторстве в Кореи. Американская разведка сразу же обратила внимание на его «возможности». Еще шли бои на Тихом океане, а управление стратегической службы США уже включило Ким Сон Су в списки лиц, которых предполагалось использовать в американских интересах после войны. И вот он занял почетное место²⁸ среди двадцати других таких же лиц — реакционеров и врагов трудящихся.

Верным сообщником Кима был начальник полицейского департамента американской военной администрации Чо Бён Ок, обладавший недюжинными способностями к перевоплощению. Степень доктора философии, полученная им после окончания Колумбийского университета в США, не помешала Чо активно сотрудничать с колонизаторами. Японцы включили предателя в созданный в сентябре 1944 г. ЦК Общества скорейшей мобилизации нации. После капитуляции Японии Чо, владелец ряда рудников Южной Кореи, стал верой и правдой служить новым оккупантам. Он организовал

²⁵ См. «Правда», 6.X.1947.

²⁶ Ф. И. Ш а б и н а. Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953). М. 1958, стр. 144—145.

²⁷ Подробнее см. В. М. М а з у р о в. Создание антинародного режима в Южной Кореи (1945—1950 гг.). М. 1963, стр. 62—73.

²⁸ «Office of Strategic Services. Research and Analysis Branch». Questions on Korean Politics and Personalities. 1945, May 16, p. 7.

разветвленную полицейскую сеть, в которой 53% должностей были заняты теми, кто служил японцам или прибыл в страну по рекомендации американских властей²⁹. Ким, Чо и другие им подобные деятели открывали Ли Сын Ману дорогу к власти. К декабрю 1947 г. 20% высших должностей в администрации Южной Кореи занимали лица, выполнявшие те же обязанности при колониальном режиме; 83% членов Временного законодательного собрания и 79% судей были ранее коллаборационистами³⁰.

Настало 10 мая 1948 года. Американские военные власти объявили осадное положение. На рейдах в Пусане и Инчоне стояли корабли военно-морского флота США, над головами жителей южнокорейских городов со свистом пронеслись эскадрильи самолетов: шли выборы в Национальное собрание. Избирателям была предоставлена «полная свобода»: они могли прочувствовать удары полицейских дубинок, за порядком следили военные патрули, а с крыш избирательных участков смотрели дула пулеметов. Когда Ходж объявлял о Национальном собрании Южной Кореи, он говорил о форуме «свободного волеизъявления, свободных дискуссий», но не забыл добавить, что за американскими властями сохраняется право «вето» на решения этого органа «свободных дискуссий»³¹. Ни один рабочий или крестьянин не получил в итоге депутатского мандата. Когда 31 мая 1948 г. стало заседать Национальное собрание, то его депутаты встретились как давнишние коллеги. 86 мест из 200 принадлежало приверженцам крайне правых политических группировок — Демократической партии Хангук и Общества скорейшего достижения независимости, возглавлявшегося Ли Сын Маном. Рядом сидели реформаторы из Лиги труда Великой Кореи — реакционных профсоюзов, лидеры молодежных террористических организаций и члены бывшего чунцинского Временного правительства. Многие депутаты — бывшие чиновники, управлявшие фирмами или помещичьими именьями, — начали новую политическую карьеру уже со сложившимися консервативными убеждениями и непреклонной верой в силу имущего класса. 39 мест принадлежало политическим деятелям, получившим ранее от японцев синекуру в провинции. Они вместе с помещиками составили так называемую «провинциальную элиту»³² и бурно рукоплескали, когда 5 августа в Южной Корее было сформировано марионеточное правительство.

Южнокорейские патриоты с оружием в руках выступили против лисынмановского режима. Эхо народного восстания на острове Чечжудо прокатилось по всей Корее: повстанцы сорвали там проведение выборов сепаратного правительства Ли Сын Мана. 4 тыс. солдат 14-го полка, находившегося в порту Йосу, отказались отправиться на Чечжудо и стрелять в своих соотечественников. Восстание гарнизона Йосу распространилось на Сучхон. Спустя некоторое время восстал гарнизон г. Тэгу. И, несмотря на то, что восстания были потоплены в крови беспощадным террором, вооруженное сопротивление врагу, принимавшее зачастую форму партизанского движения, на Юге Кореи продолжалось.

Сеульское правительство прямо связывало свое благополучие с пребыванием в стране американских войск. Для использования иностранных штыков, как полагали сторонники Ли, ставшего в 1948 г. президентом, создавалась благоприятная обстановка: «берлинский кризис», искусственно вызванный в то время США и их союзниками, обострил международную ситуацию. Западные державы подготавливали условия для создания антисоциалистического военного союза в Европе (будущая НАТО). Ли Сын Ман, играя на антисоветских устремлениях правящих кругов США, немедленно потребовал роста своих вооруженных сил и заявил, что «американцы должны прежде всего обеспечить гарантии интересам США в Корее, основываясь, во-первых, на моральных обязательствах и, во-вторых, исходя из интересов безопасности США»³³.

Южнокорейский президент обрушил жесточайшие репрессии на всех, кто в какой-либо мере выступал против присутствия американских войск в Южной Корее. Только с января по октябрь 1948 г. было арестовано 136 360 человек. Даже во време-

²⁹ «Объединенные нации. Первая часть доклада Временной комиссии ООН по вопросу о Корее». Т. III. Приложение IX—XII, дополнение № 9, стр. 147.

³⁰ Там же, стр. 507.

³¹ G. Henderson. Op. cit., p. 153.

³² «A Pattern of Political Development: Korea». Ed. by C. I. Eugene Kim. Detroit. 1964, pp. 11—20.

³³ R. C. Allen. Korea's Syngman Rhee. Tokyo. 1960, p. 106.

на японского господства в Корее самая большая тюрьма в Сеуле принимала в свои стены не более 3 тыс. заключенных. Теперь же в ее камерах томилось более 6 тыс. человек³⁴. 28 ноября 1948 г. лисынмановское Национальное собрание приняло резолюцию — «просить американские войска остаться на территории Южной Кореи».

Но еще 15 августа 1948 г. в Сеуле состоялась пышная церемония: генерал Макартур объявил о передаче власти в Южной Корее корейской администрации. Ли Сын Ман, теперь уже президент Южной Кореи, стоя рядом с Макартуром, не без бравады позировал суетившимся фотокорреспондентам. Медленно полз вниз по мачте полосатый флаг США, уступая место новому флагу Южнокорейской республики. Еще недавно Макартур, подняв японский национальный флаг над зданием парламента Японии, «открыл пути», как писали о нем ловкие штабные репортеры, к длительному американо-японскому союзу. Теперь процедура повторялась. Разница была в масштабах. Официальная, льстившая самолюбию генерала церемония «передачи власти», по существу ничего не меняла, ибо Ли Сын Ман признавал не только сохранение, но и господствующее положение американских интересов в Южной Корее.

Макартур, выступая в тот же день перед застывшей в почтении толпой американских офицеров и лисынмановских политиканов, бросил с трибуны, такой призыв: «В этот час... триумф омрачает одна из величайших трагедий современности — искусственный барьер, разделивший вашу страну. Этот барьер должен быть и будет устранен»³⁵. Недвусмысленный намек вдохновил лисынмановцев и дал повод буржуазной прессе для начала широкой клеветнической кампании против трудящихся Северной Кореи. По мере ухудшения положения в гоминьдановском Китае и роста демократического движения в Японии усиливалась неприязнь Макартура к «либералам» в госдепартаменте, к «англофобам», как он часто называл их. Концепция этих лиц в тот момент состояла в желательности использовать, особенно в американских интересах, идеи национализма в революционном движении Китая. Они уповали на возможность сохранения при этом, даже без применения вооруженной силы, позиций США на Дальнем Востоке.

Макартур же не допускал и мысли о каком-либо другом исходе гражданской войны в Китае, кроме как о победе Чан Кай-ши. Штаб Макартура всемерно форсировал консолидацию проамериканских сил. В августе 1948 г. Макартур встретил в Токио представителя Чан Кай-ши Чена. Последний просил содействия в улучшении китайско-японских отношений ради «экономической координации и коллективной безопасности в Азии». Теперь, с созданием республики в Сеуле, у Макартура появлялись новые надежды на объединение усилий в борьбе с революционным движением в Азии, с демократией в Японии и Корее. 19 октября торопившийся генерал послал на аэродром Кимпхо (Южная Корея) свой личный самолет, чтобы Ли Сын Ман и мадам Ли смогли совершить очередной визит в Токио³⁶. Это был первый в послевоенное время официальный американский политический зондаж относительно возможности сближения Японии и Южной Кореи. «Я буду защищать Южную Корею, — торжественно заверил Макартур д-ра Ли, — так же, как буду защищать свое отечество!»³⁷. Но как защитить лисынмановцев от патриотического движения внутри страны? Сохранить ли в Южной Корее американские войска или вооружить как можно лучше южнокорейскую армию? Мероприятия американской военщины в Южной Корее сочетались с активной деятельностью штаба Макартура в Японии, которую США стали рассматривать потенциальным союзником в борьбе с силами социализма и национально-освободительных революций.

Американские политики разрабатывали сразу несколько планов. Одни лица, представлявшие «европейскую» ориентацию в правящих кругах США, рекомендовали «нажимать» на СССР через Европу; другие, например генерал Ведемейер, считали необходимым в первую очередь спасти престиж США в Китае и в зависимости от этого решить проблему Кореи. Военный министр Форрестол опасался, что корейские

³⁴ «Korean Independence», 21.IX.1949.

³⁵ J. Gunther. The Riddle of McArthur, Japan, Korea and the Far East. N. Y. 1951, p. 169.

³⁶ «The China Monthly». Vol. X. January 1949, № 1, pp. 6—8.

³⁷ J. Gunther. Op. cit., p. 168.

базы не помогут США сохранить преобладание на Дальнем Востоке³⁸. Объединенный комитет начальников штабов (генерал Эйзенхауэр, адмирал Нимиц) прямо уведомлял государственного секретаря: «С точки зрения военной безопасности США не заинтересованы в сохранении на территории Южной Кореи войск и баз»³⁹. Ведемейер придерживался примерно тех же взглядов. Еще недавно он, казалось, не видел для спасения Чан Кай-ши иного пути, кроме массового участия американских войск в гражданской войне в Китае. Из Кореи же он, напротив, считал целесообразным вывести американские войска, отправив семь американских пехотных дивизий в Северный Китай⁴⁰. Чан Кай-ши, в свою очередь, не скрывал от США своего желания установить гоминьдановский контроль над Кореей. Наконец, за вывод американских войск из Кореи неожиданно подал голос Макартур⁴¹.

Между тем печальная судьба гоминьдана, разбитого в ходе гражданской войны в Китае, волновала Ли Сын Мана, опасавшегося того же исхода для себя, и он открыто шел на обострение обстановки в стране, не переставая обращаться к жупеду анцизовизма. Его личный представитель в США Чо Бён Ок стучался во все двери, жалуясь на «слабость» южнокорейской армии. Такого рода заявления соответствовали интересам реакционных кругов американского общества, видевших в поддержке лисынмановского режима путь к осуществлению главной задачи — противостоять объединению Кореи на демократической основе. Неудачи американцев в Китае подсказывали в то же время госдепартаментским чиновникам необходимость следить за престижем южнокорейского режима. 2 июня 1949 г. глава дальневосточного отдела госдепартамента Баттерворт вызвал к себе южнокорейского посла Чан Мэна и в назидательном тоне заявил ему, что распространение южнокорейскими деятелями неверной информации о состоянии своих вооруженных сил приносит вред; Чо Бён Ок «ведет ложную пропаганду, а именно: по его словам, только 30 000 корейцев вооружены... несмотря на то, что в данное время в Корее больше 70 000 солдат, больше 50 000 полицейских и более 5 000 человек береговой охраны вооружены соответствующим образом»⁴².

Важным фактором мира и безопасности в районе Дальнего Востока стало образование в 1948 г. Корейской Народно-Демократической Республики. КНДР признали сразу же все социалистические страны. Трудящиеся КНДР, опираясь на братскую помощь СССР, в трудных условиях искусственного раскола страны стали укреплять новый общественный и государственный строй, налаживать социалистическое производство, крепить свои вооруженные силы, способные ответить на любые провокации американской военщины и лисынмановцев. Успехи КНДР приводили в неистовство реакцию в США и ее союзников в Сеуле. Последние, чтобы форсировать события, усилили провокации в районе 38-й параллели. С января по сентябрь 1949 г. было организовано 432 нападения на КНДР через ее сухопутную границу; имели место многочисленные налеты на КНДР и с моря; нарушалась и воздушная граница⁴³. В результате население прилегающих к южной границе районов КНДР вынуждено было переносить тяжкие лишения, расплачиваясь многочисленными жертвами за авантюры лисынмановской военщины. Многие высшие чины армии США не скрывали, что южнокорейское правительство нарочно вызывает пограничные инциденты, чтобы поскорее заручиться американской «помощью»⁴⁴. В середине лета 1949 г., когда в ватингтонском Капитолии разгорелись споры по поводу того, как успешнее поддержать южнокорейский режим, лисынмановцы провели разведку боем у 38-й параллели, но, встретив достойный отпор, убрались восвояси.

Лисынмановская администрация считала для себя чрезвычайно важным срочное решение внутривосточных проблем. Как быть с оппозицией, отражавшей, пусть даже в незначительной степени, демократические настроения в южнокорейском обще-

³⁸ «New York Times», 3.XI.1952.

³⁹ D. Rees. Korea: the Limited War. L. 1964, p. 14.

⁴⁰ T. Higgins. Korea and the Fall of Macarthur. N. Y. 1960, p. 5.

⁴¹ R. Sawyer. Military Advisers in Korea: KMAC in Peace and War. Washington. 1962, p. 37.

⁴² «Факты говорят». Пхеньян. 1960, стр. 184—185.

⁴³ «A Chronicle of Principal Events relating to the Korean Question 1945—1954». 1954, p. 23.

⁴⁴ «The China Weekly Review», 2.VII.1949.

стве? Каким образом добиться расширения военной помощи со стороны США? Оппозиция указывала на серьезные противоречия, раздиравшие лисынмановскую элиту. Последняя, отдавая неизбежную дань антиколониальным настроениям в Южной Корее, занималась антияпонской демагогией и в то же время, чувствуя свое бессилие перед лицом народного движения и напуганная поражениями Чан Кай-ши, взывала о помощи к тем же коллаборационистам и опиралась на полицию и большую часть высших чиновников, которых народ ненавидел, поскольку те сотрудничали с японцами. Еще в августе 1948 г. Национальное собрание провело закон «О национальных предателях», предусматривавший наказание лиц, сотрудничавших с оккупантами. За закон ратовали сравнительно молодые представители националистического крыла Национального собрания. После принятия закона заместитель министра торговли и промышленности лисынмановского правительства без промедления подал в отставку. Наказания, казалось, ожидали многих влиятельных корейцев, занимавших солидные посты⁴⁵. Патриотические организации выдвинули лозунг борьбы с национальными предателями. С разоблачением Ли Сын Мана и его социальной опоры выступали также корейские патриоты, находившиеся в эмиграции в США.

«Разве не Ли Сын Ман стал яростным защитником врагов корейского народа, бывших корейских коллаборационистов и национальных предателей? — задавала вопрос читателям издававшаяся в Лос-Анджелесе газета «Корейская независимость». — Разве не он сформировал свое правительство из врагов корейского народа, ставших его опорой?! Разве не Ли Сын Ман с помощью этого предательского, сепаратного правительства заключил с правительством США антинародные «договоры»: 1) так называемое «американо-корейское военное соглашение» и 2) так называемое «американо-корейское соглашение о передаче финансов в собственность»? Разве не Ли Сын Ман громче всех ратовал в 1945 и 1946 гг. за немедленный уход американских и советских войск с территории Кореи, а потом разве не он, став президентом поддерживаемого США марионеточного правительства, умолял США оставить на неопределенное время в Корее американские войска, тогда как советские войска ушли полностью из Кореи к 25 декабря 1948 года?»⁴⁶

Специальный комитет южнокорейского Национального собрания занялся расследованием деятельности национальных предателей, сотрудничавших с японскими колонизаторами. Члены комитета настаивали перед правительством на осуществлении на практике закона о национальных преступниках. Предприимчивая организация, используя сильные антияпонские настроения среди корейцев, завела свои суды, свой следовательский аппарат, вооруженную полицию и даже тюрьмы, что позволило ей начать деятельность против лиц, занявших доходные местечки в высших органах государственной полиции. С января по июнь 1949 г. «специальная полиция» почти ежедневно арестовывала и отдавала под суд видных полицейских чинов, залягавших ранее свою биографию сотрудничеством с оккупантами⁴⁷. Как считали лисынмановцы, парламентарии доходили до «безумия», требуя большей свободы, чем это допускалось кодексом лисынмановских правил. И когда 18 марта 1949 г. 63 депутата Национального собрания подписали письмо в Комиссию ООН с требованием вывести войска США с территории Южной Кореи, д-р Ли решил, что настал час действовать. Его сподручные свешно готовили серию обвинений в «коммунистическом заговоре», «подрывной деятельности» и т. д. В конце мая по обвинению в «симпатиях к коммунизму» был арестован ряд депутатов Национального собрания. Без каких-либо серьезных объяснений закрывались газеты и журналы. На вопрос о том, почему была прикрыта самая большая газета в стране, «Сеул Синмун», невозмутимые чиновники отвечали: газета за последние четыре месяца публиковала лишь 40% правительственных материалов. Этого было вполне достаточно, чтобы обвинить редакцию в антиправительственной деятельности⁴⁸.

В один из дней июня 1949 г. кавалькада «джипов» окружила Специальный комитет Национального собрания по расследованию деятельности национальных предателей. Шестьдесят вооруженных до зубов полицейских, обезвредив охрану, ворвались в

⁴⁵ G. Henderson. Op. cit., pp. 256—257.

⁴⁶ «Korean Independence», 20.IV.1949.

⁴⁷ G. Henderson. Op. cit., pp. 256—257.

⁴⁸ «Times», 20.VI.1949.

здание. Они методически и хладнокровно громили оборудование кабинетов, ломали шкафы, скрупулезно сгребали документы, арестовывали сотрудников. Когда председатель комитета попытался возразить против выходки полиции, то получил не терпящий возражений ответ: «Мы делаем это по личному приказу Ли Сын Мана». 29 июня некий лейтенант южнокорейской армии (как о нем говорили), член «партии независимости», добился аудиенции у Ким Ку. Войдя к нему в кабинет, он четырьмя выстрелами в упор изрешетил старого террориста, который на своем веку не раз использовал такого же рода методы. А через некоторое время президент Южной Кореи стоял уже перед микрофоном и демонстрировал образец лицемерия. «Меня очень тронуло, — говорил он срывающимся голосом, — известие об убийстве Ким Ку — Пэк Бома. Нужно строго допросить убийцу и узнать, с какой целью он совершил убийство и с кем был связан, а затем опубликовать подробные результаты следствия и строго наказать преступника. Я негодую по поводу того, что корейцы занимаются такими делами. Если есть общественные или личные счеты, то их нужно разрешать по закону... Убийство Ким Ку — большая утрата для нации». Следовало, однако, помимо показного негодования, продемонстрировать и свою непричастность к убийству, ибо даже за пределами Кореи было хорошо известно о долговременных спорах между Ли Сын Маном и Ким Ку. «За последнее время, — решил в связи с этим вспомнить оратор, — между нами имелись разногласия в политических взглядах, что и сеяло в политических кругах некоторые сомнения и разговоры. Но я был уверен, что рано или поздно Ким Ку поймет меня, поймет, что мое мнение соответствует единственному пути в большом плане строительства республики. Я был очень рад, что за последнее время он постепенно начинал понимать меня, но, к сожалению, с ним случилось несчастье»⁴⁹.

2 июля военная полиция арестовала редактора «Сеул Дэйли», поскольку последний осмелился опубликовать доклад ведущих деятелей «партии независимости». Авторы доклада понимали, что «несчастье», которое постигло Ким Ку, может в любой момент постичь каждого из них, и потому опубликовали разоблачающий лисынмановскую полицию материал. Убийцу Ким Ку тем временем держали взаперти под строгой охраной, не допуская никакого общения с внешним миром. Ли оправдывался: «Факты покажут, что смерть Ким Ку — прямой результат расхождений во мнениях в его собственной партии». Но прошло несколько лет, и лейтенант, получивший за убийство Кима по суду пожизненное заключение, стал полковником южнокорейской армии⁵⁰. Так д-р Ли расправлялся с оппозицией. Он быстро похоронил всю систему борьбы с национальными предателями и уничтожил все улики, кропотливо собранные комитетом по делам коллаборационистов. На следующий день после разгрома комитета посыпались протесты. Стало известно, что лиц, арестованных в результате налета, подвергают пыткам. Под давлением общественности полиция освободила 22 человека. 16 из них вышли на свободу со следами тяжелых пыток⁵¹.

Экспатрированные лисынмановцы предпочитали опираться на ярых коллаборационистов и создавали государство в соответствии со своими идеалами, приобретенными в эмигрантских подвалах США. На первом плане их деятельности против демократов стояло обвинение последних в «коммунизме». «Антикоммунизм был всегда гораздо крупнее травяной кровли корейской хижины», — напоминали некоторые здравомыслящие лица Сеулу, но тщетно. Ли Сын Ман, ощущая за своей спиной напор сторонников «холодной войны» и поддержку местной реакции, всесторонне овладел жупелом антикоммунизма. Он постоянно обращался к антикоммунистической демагогии, чтобы оклеветать очередную жертву. Так погибло много корейцев, которые даже и представления не имели о коммунизме, а только позволяли себе не соглашаться с диктатором Ли.

В Токио, где вершил делами виднейший представитель группировки «Азия прежде всего» в американском конгрессе Дуглас Макартур, слетались сторонники «решительных действий», имевших целью остановить кризис чанкайшистского и южнокорейского режимов. В конце октября 1949 г. глава сеульской миссии в Японии пред-

⁴⁹ «Енхак Синмун», 28.VI.1949.

⁵⁰ R. C. Allen. Korea's Syngman Rhee. Tokyo. 1960, pp. 110—111.

⁵¹ «Compilation of Certain Published Information on the Military Situation in the Far East». Washington. 1951, p. 157.

ставил дипломатическому советнику при штабе Макартура Себолту южнокорейского министра обороны Син Сен Мо. «Мы достаточно сильны,— хвастал он перед корреспондентами,— чтобы начать поход и взять Пхеньян за несколько дней». Глава группы американских военных советников в Южной Корее бригадный генерал Уильям Робертс, побывавший вместе с лисынмановским министром в Токио, был не менее самоуверен. Робертс, утерев чувство всякой меры, самовлюбленно говорил о южнокорейской армии: «Моя армия!», «Моя силы!». Особое положение Робертса позволило ему выступать с заявлениями. Его группа военных советников (КМАГ), хотя и находилась официально под контролем американского посла в Сеуле, предпочитала действовать самостоятельно или в согласии со штабом Макартура. Представители КМАГ систематически появлялись в Токио, обсуждали там политические проблемы и информировали людей Макартура о положении в Южной Корее⁵².

Робертс, гордившийся своей «самостоятельностью», упорно подчеркивал возможность «сокрушить», если понадобится, Северную Корею⁵³. Но в хвастовстве всех превзошел Ли Сын Ман. 30 сентября 1949 г. он решил поделиться своими мыслями с Робертом Оливером. «Я твердо убежден,— писал он своему американскому другу и советчику,— что сейчас психологически наиболее подходящий момент для того, чтобы предпринять агрессивные меры и соединиться с лояльной в отношении нас частью коммунистической армии на Севере, чтобы ликвидировать остальную ее часть в Пхеньяне. Мы отгесним часть людей Ким Ир Сена в горный район и там постепенно заморим их голодом. Тогда наша линия обороны будет укреплена по рекам Тумынь и Ялу. Наше положение улучшится на 100 процентов... Пожалуйста, изложите все это в очень убедительном заявлении, осторожно войдите в контакт с влиятельными лицами и обеспечьте их поддержку. Если бы вы смогли сообщить все вышеизложенное президенту Трумэну, я думаю, это имело бы определенный успех»⁵⁴.

Оливер, южнокорейский посол Чан Мэн и представитель Сеула в ООН Чо Бён Ок, обсудив предложения Ли, пришли, однако, к мнению, что время для реализации такого проекта не наступило, что еще не подготовлено международное общественное мнение. План, делились они с Ли своими выводами, «должен быть осуществлен, когда мы будем готовы и когда наступит благоприятный момент». 7 октября 1949 г. Ли Сын Ман, не дожидаясь ответа от Оливера, дал интервью Джозефу Джонсону, вице-президенту агентства «United Press». На следующий день интервью было опубликовано в сеульских газетах. Броский заголовок настораживал: «Возможность оккупировать Пхеньян в три дня!» «Северокорейцы просили меня,— заявил Ли,— обратиться по радио к лояльным на Севере корейцам с призывом свергнуть коммунистический режим, и они ожидают, что мы присоединимся к ним. Я твердо убежден, что мы можем оккупировать Пхеньян в три дня. Защищать нашу страну гораздо легче на границах Маньчжурии и Кореи, нежели по 38-й параллели. Какие же причины независимо от того сдерживают меня от акций? Это имеет место потому, что ООН и США обращают внимание на опасность перехода такого рода акций в третью мировую войну. Вот в чем причина нашего терпения и ожидания того момента, когда проблемы коммунизма будут решены параллельно другим проблемам»⁵⁵. А чего должен был ожидать народ Южной Кореи в новом, 1950 году? И на этот вопрос в своем новогоднем послании решил дать ответ Ли: «Мы должны помнить, ...что в новом году наш долг будет состоять в том, чтобы в соответствии с новой международной обстановкой объединить север и юг Кореи своими собственными силами»⁵⁶.

Наступил 1950 год. «Меня охватил ужас,— делился 7 января с корреспондентами южнокорейский президент,— когда я получил сообщение о том, что правительство Англии признало КНР... Ведь в прошлом году Англия вместе с другими демократическими странами приняла участие в НАТО!» Нет, заключал он, «нельзя поощрять коммунизм в Азии»⁵⁷. Но вслед за сообщением о признании КНР Англией последовала очередная, не менее устрашающая для Ли новость. Утром 13 января 1950 г. в палатах

⁵² R. K. Sawyer. Op. cit., p. 47.

⁵³ W. T. Sebolt, R. Brines. With McArthur in Japan. L. 1967, p. 182.

⁵⁴ «Факты говорят», стр. 32—35.

⁵⁵ W. G. Burchett. Op. cit., p. 124.

⁵⁶ Ibid., p. 125.

⁵⁷ «Тосон Ильбон», 9 I. 1950.

Национального собрания царило смятение. Всюду, где толпились взбудораженные депутаты, слышалось имя Ачесона. Последнее заявление государственного секретаря, сделанное им накануне и включавшее в себя тезис о «периметре обороны» США, потрясло стены сеульского Капитолия. Южнокорейские парламентарии, мечтавшие осуществить поход на Север, вдруг впали в замешательство. Они с усердием ипохондриков перечитывали заявление Ачесона и не переставали с удивлением задавать все тот же вопрос: почему Южная Корея и Тайвань не включены в «периметр обороны» США? Оказывается, выступая с речью в Национальном пресс-клубе 12 января 1950 г., Ачесон заявил, что «периметр обороны США проходит от Алеутских островов через Японию, острова Рюкю и Филиппины»⁵⁸. Содержание речи государственного секретаря, конечно, не ограничилось этим. Основное заключалось в антисоветской направленности его выступления, где были использованы для клеветы на СССР аргументы из арсенала ведущих пропагандистов группировки «Азия прежде всего», хотя его речь по замыслу должна была содействовать успеху «европейской ориентации» во внешней политике США. Освободительной миссии Советского Союза во время второй мировой войны, согласно утверждениям Ачесона, «не существовало». Оратор пытался в то же время в сверхвыгодном свете представить политику США.

Вашингтонская администрация, оказавшись тем временем перед лицом резко ухудшившегося для нее положения в Китае, лихорадочно искала выход из тупика. «Лучшей мерой», с точки зрения Вашингтона, явился бы компромисс с «новым режимом» в Китае, что позволило бы сохранить позиции США в этой стране. В США развернулась широкая кампания за признание новой власти в Китае (в эту кампанию включился и госдепартамент). Со стороны официальных лиц выдвигались предложения, по существу, открывавшие путь к освобождению Тайваня Народно-освободительной армией. Государственный секретарь Ачесон согласился не препятствовать допуску КНР в ООН и официально объявил о нежелании США включить в свой «периметр обороны» Тайвань и Южную Корею⁵⁹.

Ли Сын Мана и его сторонники лишь в еще большей степени подогрели тогдашние неудачи дипломатической игры Вашингтона в Китае. Их только на время успокоило соглашение с США о «взаимном обеспечении безопасности», подписанное 25 января 1950 года. Одновременно было подписано соглашение о статусе группы американских советников в Южной Корее, которым взменялось в обязанность готовить вооруженные силы Ли Сын Мана. Курс на использование национализма в революционном национально-освободительном движении Китая, связываемый с именем Ачесона, пока прямым образом в то время не оправдывал себя. В национально-освободительном движении Китая в целом тогда преобладала интернационалистская линия. КНР провозгласила полную солидарность с Советским Союзом и его внешней политикой. 14 февраля 1950 г. были подписаны Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР и ряд других соглашений⁶⁰. Интернационализм, восторжествовавший тогда в руководстве КПК, удручающе действовал на английских «умиротворителей» китайской революции и их американских последователей. В Китае едут советские специалисты; Общество советско-китайской дружбы насчитывает около 32 млн. членов — с беспокоеством сообщалось в буржуазной прессе⁶¹. Реакционные элементы в США почувствовали, что настало их время. 20 февраля 1950 г. Маккарти начал тяжбу в сенате в связи со своими обвинениями по поводу наличия «коммунистической» деятельности и в госдепартаменте. Основные стрелы озлобленный и блиставший своим невежеством сенатор направил на специалистов-дальневосточников, отдавших, по его мнению, Китай «в руки коммунистов»⁶².

Между тем обстановка антикоммунистической истерии в США взбудорила д-ра Ли. Южнокорейская армия спешно вооружалась винтовками, карабинами, пулеметами, ору-

⁵⁸ «Department of State Bulletin», 23.I.1950, pp. 114—115.

⁵⁹ См. Г. В. Астафьев. Некоторые тенденции в политике США в отношении Китая. «Сборник статей по материалам научной конференции по международным отношениям в бассейне Тихого океана». М. 1968, стр. 27.

⁶⁰ См. «Правда», 15.II.1950.

⁶¹ «Times», 8, 9.VI.1950.

⁶² «Senate Committee on Foreign Relations». Hearings on State Department Employee Loyalty Investigation. 81-st. Cong., 2d Sess., 1950.

диями американского производства. В распоряжении сеульского командования были военные корабли и самолеты. Провалы дипломатических интриг в отношении Китая заставили правящие круги США пересмотреть и свое отношение к Южной Корее. Были предоставлены дополнительные средства режиму Чан Кай-ши, а палата представителей США приняла 9 февраля 1950 г. законопроект о дополнительной помощи Южной Корее⁶³. 15 марта 1950 г. конгресс окончательно одобрил ассигнования Южной Корее в размере 10 970 тыс. долларов.

Численность южнокорейской армии достигла к июню 1950 г. 94 808 человек. К январю 1950 г. 6 145 чел. находились в береговой охране, 1 865 — в военно-воздушных силах, 48 273 — в полиции⁶⁴. Согласно данным американского историка Нейджа, летом 1950 г. Сеул получил из США огромное количество военного снаряжения, южнокорейская армия увеличилась до 98 тыс. человек, а «силы безопасности» — со 114 тыс. до 154 тыс. человек⁶⁵. На выборах в мае 1950 г. партия Ли Сын Мана добилась в Национальном собрании лишь 48 мест, то есть было избрано, несмотря на репрессии, менее 20% сторонников президента⁶⁶. Ли по своему обыкновению не следовал известным ему по Вашингтону процедурам расследований — важным атрибутам американской «демократии». Не впадая в противоречие с основными догмами конфуцианской морали, он воспользовался правом сильного: еще 13 депутатов Национального собрания без каких-либо объяснений были посажены за тюремную решетку. Им были предъявлены наряду с прочими следующие обвинения: петиции в ООН; разглашение данных о коррупции властей; выступления против вторжения в Северную Корею южнокорейских сил⁶⁷. Теперь Ли уже не стеснялся, как это порой бывало раньше, в выражениях, когда находил в американском сенате очередного своего «обидчика». Стоило сенатору Коннэли из Техаса ответить отрицательно на вопрос, является ли Корея «важнейшей частью стратегии обороны США», как Ли пришел в бешенство. «Коннэли, — заявил он публично, — должно быть, забыл, что США связаны с принятыми ими на себя обязательствами и не могут изолировать себя от положения в Корее, если дорожат своим престижем»⁶⁸. Лисынмановская реакция, направляемая экстремистскими силами США, активизировала свою агрессивную политику. В 1949 и первой половине 1950 г. провокации лисынмановцев вдоль демаркационной линии участились. Только в январе — сентябре 1949 г. было зарегистрировано свыше 400 случаев нарушения демаркационной линии. 71 раз самолеты с юга вторгались в воздушное пространство, а военные корабли постоянно нарушали территориальные воды КНДР⁶⁹.

Южнокорейская реакция возлагала большие надежды на посещение Кореи советником госдепартамента Дж. Ф. Даллесом в июне 1950 года. Даллес, будучи одним из видных представителей республиканской партии в правительстве, первоначально открыто поддерживал «линию Ачесона» в китайской политике. Он даже вопреки давлению гоминьдановских лоббистов считал возможным признание правительства КНР. Но прочные связи с консервативным крылом республиканской партии возымели, особенно в период буйного развития маккартизма, самое непосредственное влияние на становление взглядов Даллеса. На это рассчитывали и сторонники превращения «холодной войны» в горячую. 10 июня Даллес готов был вылететь в Корею. Перед отлетом следовало отдать дипломатическую дань сеульскому посольству в Вашингтоне. Вместе с супругой представитель президента побывал на званом обеде, устроенном послом Чан Мэном. Туда же прибыл и Дин Раск, заменивший Баттервортса на посту руководителя дальневосточного отдела госдепартамента. Были там и другие официальные лица, имевшие отношение к поездке в Сеул. Во время обеда Чан поведал Даллесу, сколь мучительным стало для д-ра Ли ожидание того знаменательного для него момента, когда наконец США решительно заявят о своей полной и безоговорочной поддержке Южной Кореи «и в мирное время и в случае конфликта, как в экономическом, так и военном отно-

⁶³ G. D. Paige. The Korean Decision. June 27—30, 1950. N. Y. 1968, pp. 35, 70.

⁶⁴ E. O'Ballance. Korea: 1950—1953. L. 1969, p. 1266.

⁶⁵ G. D. Paige. *Op. cit.*, p. 70.

⁶⁶ W. Lafeber. America, Russia and the Cold War 1945—1966. N. Y. 1967, p. 96.

⁶⁷ «New York Times», 14.III.1950.

⁶⁸ В. Мацуленко. Война в Корее. «Военно-исторический журнал», 1970, № 6, стр. 32.

⁶⁹ I. F. Stone. The Hidden History of the Korean War. N. Y. 1952, p. 12.

шении»⁷⁰. Даллес заверил Чана: заявление о поддержке он уже готовит. Более того, он подготовил письмо, которое будет зачитано по радио. «В 1938 г., когда я находился на Дальнем Востоке, — объяснялся специальный представитель президента, — начальник бюро информации Японии в Корее пригласил меня посетить вашу страну, но я отказался. На этот раз, однако, я получил личное приглашение президента вашей страны и с радостью принял его».

19 июня Даллес выступил с трибуны Национального собрания Южной Кореи. «Взоры свободного мира, — обратился он к застывшим во внимании депутатам, — обращены к вам. Компромисс с коммунизмом явился бы путем, ведущим к катастрофе». США готовы «оказать необходимую моральную и материальную поддержку Южной Корее, которая борется с коммунизмом...». «Если мы не сможем защитить демократию в холодной войне, — напыщенно декларировал в ответ Ли Сын Ман, — мы одержим победу в горячей войне». Вскоре стало известно, что Сеул отклонил предложение Президиума Верховного Народного Собрания КНДР об объединении в единый законодательный орган Верховного Народного Собрания КНДР и Национального собрания Южной Кореи и осуществления мирного объединения родины. Свое пребывание в Корее Даллес начал с посещения 38-й параллели, которую генерал Робертс давно уже называл «фронтом», и позировал фотографу, стоя рядом с бронепоездом на расстоянии одной или двух миль от разграничительной линии и склонившись над картой, лежащей на бруствере окопа. Он подробно расспрашивал далее о дислокации воинских частей и расположении огневых рубежей. После этого сеульская пресса процитировала слова Даллеса, обращенные к южнокорейской армии. «Никакой противник, — подбадривал он своих союзников, — даже самый сильный, не сможет противостоять вам ... Недалеко время, когда вы сумеете продемонстрировать свою доблесть»⁷¹.

20 июня Даллес выступал на пресс-конференции. «Я уверен в том, — торжественно говорил он, — что Корея явится одним из борцов в совместной борьбе... Я слышал разговоры, что Корея одинока в борьбе против коммунистической агрессии. Но в ходе бесед с послом в Корее Муччо, государственными деятелями Кореи и депутатами Национального собрания стало ясно, что Корея никогда не будет одинока в этой борьбе». Для рвавшихся в бой южнокорейских политиков и военных такого рода заявления значили гораздо больше, нежели простое утешение. Предстояли переговоры с Макартуром. На них Даллес в присутствии министра обороны Льюса Джонсона и главы Объединенного комитета начальников штабов Омара Брэдли обсудил военную обстановку на Дальнем Востоке. США к этому времени создали там крупную группировку своих войск. В их сухопутных войсках, располагавшихся главным образом в Японии, насчитывалось до 83 тыс. человек, 1 080 орудий и минометов, 495 танков. Общая численность американских ВВС в зоне Дальнего Востока составила 1 172 самолета, а военно-морской флот включал 26 боевых и 200 транспортных кораблей⁷². Армейские части США, базировавшиеся на Японских островах, уже готовились к десантным операциям. Корабли 7-го флота находились в боевой готовности. Нарацивалась сила авиации на базах в Японии. Лысынмановцы, в свою очередь, торопились обострить обстановку. Угроза агрессии с юга нарастала. Именно они, лысынмановцы, предатели корейского народа, а также поддерживавшие и подстрекавшие их наиболее авантюристские круги в самих США несли главную ответственность за возникновение трагических событий на корейской земле в июне 1950 года. Профессор Вандербилтовского университета Д. Ф. Флеминг, который в отличие от Р. Оливера предпочитает здраво поразмыслить над происшедшими событиями, подтверждал агрессивность США. «Мы знаем, внезапное начало войны 25 июня 1950 г., — пишет он, — привело к трем последствиям: 1) оно поставило всю мощь США и Объединенных Наций на сторону тоталитарного правительства Ли Сын Мана; 2) оно бросило силы американского флота на защиту Чан Кай-ши, Ли которого сочтены; 3) оно облегчило осуществление устремлений Макартура, особенно в отношении Формозы, и утвердило тезис, что под его руководством будут решены «комплексные проблемы, доступные политическому опыту», и будут решены путем, который обеспечит (Флеминг приводит далее слова генерала. — В. В.)

⁷⁰ «Факты говорят», стр. 205.

⁷¹ W. G. Burchett. Op. cit., p. 127.

⁷² В. Мацуленко. Указ. соч., стр. 33.

«не только объединение и благополучие вашего собственного народа, но и будущую стабильность азиатского континента»⁷³.

Президент Трумэн, отдыхая в Миссури, тем не менее встретился со своими высокопоставленными советниками, военными и гражданскими. На первом же совещании президент поставил вопрос о необходимости использования в действиях США флага ООН. Перед тем как президент вернулся с отдыха, позвонил Генеральный секретарь ООН и потребовал созвать Совет Безопасности. Перед президентом лежали вести от «комиссии ООН по Корею», от посла США в Сеуле. Даллес же, прилетевший из Киото в Токио, вместе с советником госдепартамента Себолтом находился у Макартура. Генерал, информируя их о ходе «операции», выразил уверенность в способности южнокорейской армии быстро добиться своего и подчеркнул необходимость активного участия в этом деле «мощных сил США». К южнокорейским берегам уже двинулись тяжело нагруженные американским вооружением десантные суда. Их прикрывали самолеты, поднявшиеся с американских аэродромов в Японии. США, попирая суверенное право корейского народа на независимость, зафиксированное в документах конференций великих держав и ООН, пошли на грубое вмешательство во внутренние дела Кореи. Агрессивная акция против корейского народа положила начало целой серии авантюры, которые были предприняты в разное время по инициативе США против сил социализма и национально-освободительного движения. Международный империализм предпринял еще одну безуспешную попытку повернуть историю вспять.

⁷³ D. F. Fleming. The Cold War and Its Origins, 1917—1960. Vol. II, 1950—1960. N. Y. 1961, p. 600.